

Собеседник

Шлезингер Александр Ефимович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 6 марта 2013 и опубликована 28 апреля 2013.

Введение

Первая беседа посвящена автобиографическому рассказу о 1930-х—1950-х годах. О том, как в 1937 году ребенком приходилось присутствовать на обысках у соседей по дому, об эвакуации с матерью в Ташкент, об учебе в школе, увлечении бегами и преферансом, поступлению в Нефтяной институт. Александр Ефимович тепло отзывается о школьных учителях и директоре школы Иване Федоровиче Мотятове, о преподавателях Нефтяного института — Леониде Викторовиче Пустовалове, Николае Ивановиче Буялове, Татьяне Александровне Лапинской, Михаиле Павловиче Казакове. С особым удовольствием Александр Ефимович вспоминает о полевых студенческих практиках на Кавказе, в Крыму и в Прикаспии.

Юрий Вадимович Самодуров: У нас сегодня первая встреча с Александром Ефимовичем Шлезингером. Должен сказать, что он был коллегой моего отца, тоже геолога, поэтому мне просто очень приятно с ним беседовать. Как мы договорились, я попробую обозначить вопросы по нескольким блокам, просто буду их называть, а вы в свободной форме, в свободной манере о чем-то расскажите, о чем-то упомянете, о чем-то нет. Может быть, у нас так получится.

Ну вот. Начнем. Родословная, семья, детство. Когда и где вы родились, в каком городе или еще где-то жили до окончания школы, где воспитывались до поступления в школу: дома, в детском саду, еще как-то. Ну, и состав вашей семьи до окончания вами школы, сколько человек в ней было.

Александр Ефимович Шлезингер: Родился я в городе Москве 18 марта 1929 года и в восемь лет пошел в школу, которая близко была от моего дома. А дом мой находился... на так называемой улице Старая Башиловка, сейчас Расковой, где гостиница «Советская». Когда я родился, гостиницы «Советской» не было, был клуб летчиков. А до клуба летчиков еще какая-то была организация, которую я уже немножко забыл. Затем клуб летчиков, постепенно вытеснили, стала гостиница «Советская». Да, интересно, в этом здании [гостиницы] в конце войны, может уже чуть-чуть позже собрались министры иностранных дел Советского Союза, Англии, Франции, Америки. Потом здание стало расширяться. Оно двигалась к нашим домам. Часть наших домов снесли, и на месте этого здания возникла вот эта вот гостиница «Советская», которая подошла прямо к нашему дому. Большая часть дома по тогда Башиловке дом 6 и две трети дома 8, где я жил, они были снесены, и у нас остался наш только корпус. Вот в этом доме [мы жили], это было небольшое здание, двухэтажное.

Семья у меня была: отец, инженер Шлезингер Ефим Борисович, мать Клавдия Дмитриевна, тоже Шлезингер, она поменяла фамилию. И я. Было трое. Интересна, конечно, жизнь матери. В те годы, я это помню хорошо, потому что я был с ней и у нас массово забирались люди, 1937 год, и она была понятным, она бухгалтером была в домоуправлении. Когда забирали того или иного жителя нашего дома, приезжало, соответственно, НКВД, обычно 2–3 человека молодых, лейтенанта, и она была как понятая в этом... А поскольку мне не с кем быть, я тоже был там, в этом самом, так что я присутствовал...

У нас был такой маленький корпус, где писатели были, там жила Анна Караваева — ее не тронули. Потом Малахов, он был другом Молотова, его тоже не тронули. [Писатель] Никулин, вот. Но Никулин к этому времени развелся и жила его только жена, графиня Волконская в этом доме, ее тоже не тронули. А вот на втором этаже был писатель Алексеев — его забрали.

” Наверное, вечера два или три я с матерью был в этой квартире, там они описывали, смотрели. Так что я с 1937 годом хорошо познакомился.

Ю.С.: Да. Вы свидетель.

Война. Эвакуация

А.Ш.: Я свидетель. Мы прожили, в общем-то, в этом доме до войны. В начале войны... Отец у меня был инженер-изобретатель, он работал на заводе Войкова (здесь недалеко завод был, который сейчас закрыт), был изобретатель разных типов радиаторов.

Когда началась война, мы вначале были эвакуированы в Ярославль. Потом показалось, что Ярославль не очень надежный. Мы вернулись в Москву. И из Москвы были эвакуированы как раз уже после паники. 16 октября была основная паника, когда должны были немцы захватить Москву. Ну, мы этот день пережили. И я это хорошо помню. Когда мы с матерью куда-то шли и встречали людей, которые говорили: вот (там фабрика «Большевик» была недалеко от нас по Ленинградскому шоссе) забирайте продукты —

там давали печенье, торты и т.д. Так что готовились: вот-вот немцы должны вступить. Но мы все-таки, хотя немцы не вступили, уехали в Ташкент и прожили в эвакуации в Ташкенте до середины 1943 года. Ну, в общем, так относительно неплохо. Нас приютила интересная очень женщина: у нее сын был в армии, но служил в Иране. Тогда был большой контингент военных в Иране, он был летчиком. В его комнате мы вот и прожили очень, так сказать, хорошо с ней, дружно и вместе до 1943-го. В 1943 году отец достал разрешение на наш приезд — это было очень сложно, и вместе с сотрудниками, которые были тоже в эвакуации в Ташкенте, мы товарным поездом вернулись в Москву.

Дом на Башиловке. Семья

Ю.С.: Ну вот вы фактически там жили, получается, до 9 лет в этом доме, в первом, в котором вы сказали...

А.Ш.: Да, да, да.

Ю.С.: Сколько у вас комнат было?

А.Ш.: У нас была большая квартира, примерно 40 метров: одна была большая комната, одна маленькая комната была. Но, к сожалению, как я говорил уже, гостиница наезжала, и очень близко, дом стал очень некомфортным, потому что с одной стороны было очень темно — гостиница подошла почти рядом, а с другой стороны у нас дом такой, что это был полуподвал, т.е. окна были на уровне земли. Вот. Но с таким условием было неплохо. И еще одна маленькая комната, в которой жил сосед.

Ю.С.: Понятно. Значит, она такая полукоммунальная.

А.Ш.: Да, полукоммунальная, совершенно верно. Он был старообрядец, но его советская власть не тронула. Но я это дальше расскажу.

Ю.С.: А откуда было вам известно, что он старообрядец?

А.Ш.: Он не скрывал этого.

Ю.С.: То есть иконы висели?..

А.Ш.: Да, он не скрывал абсолютно ничего, что он был старообрядец, соблюдал все, соответственно, там, посты и все прочее, молебны там, еще что, так что он это все не скрывал.

Ю.С.: Ну, вот, вы сказали, что папа был инженер-изобретатель, а мама, ее род занятий?

А.Ш.: Мама была бухгалтером.

Ю.С.: А, бухгалтер, то есть...

А.Ш.: Да, бухгалтером, она была хорошим опытным бухгалтером, и вот за счет этого я познакомился с советскими репрессиями.

Ю.С.: Понятно. Ну, а вот материальные условия вашей жизни, видимо, были нормальными, да?

А.Ш.: Нормальными, абсолютно, да, никаких таких... В общем, это была средняя интеллигентная семья со средним заработком.

Ю.С.: А велосипед был?..

А.Ш.: Да, такие вещи как велосипед, это все было. Машины не было — отец этим не интересовался.

Ю.С.: А лыжи, коньки?..

А.Ш.: Да, это все было, да. Так что в этом отношении все было нормально.

Ю.С.: А какие-то карманные деньги на покупку какой-то книжки, лакомства там, кино?..

А.Ш.: Это тоже, не было проблемы, в общем, было, было все у меня в этом отношении нормально.

Ю.С.: А кем были дедушка и бабушка? Вы их застали?

А.Ш.: Дедушка и бабушка... Я [их] не застал. Я знаю, что бабушка была, потом, как оказалось, это была бабушка двоюродная, она была сестра бабушки более молодая... Бабушка — как-то о ней ничего не говорили и о дедушке тоже ничего. И я практически, в общем, не знаю. Ну, вот была двоюродная бабушка. Она первая, которой захоронение на Ваганьковском кладбище, где наши члены семьи хоронились, она первая была захоронена.

Ю.С.: А вот порядок, стиль, образ жизни... Помимо работы какие у ваших родителей были интересы? Помимо семьи и работы как это проявлялось в чем-то?

А.Ш.: Вы знаете, пожалуй, у матери проявлялось в дружбе с Волконской. Так особых таких увлечений, особенно не было. Ну, были, как всегда, приходили в гости какие-то близкие знакомые.

Ю.С.: Театр? Концерты?

А.Ш.: Вы знаете, по-моему они... Я потом начал уже быть театральным в более старшем возрасте. А так, по-моему, они этим мало интересовались. И особенно еще потому, что потом же ведь, значит, вот эта война, было не до театров, ни до чего. Потом послевоенные годы тоже были очень тяжелыми. Мать умерла у меня очень молодой, в 1948 году, я как раз в этом году кончал школу, десятый класс.

Ю.С.: А папа?

А.Ш.: Папа прожил еще долго, до 1976 года. Я уже сейчас значительно старше его, примерно лет на восемь.

Ю.С.: А время-то было такое непростое. Вам родители давали когда-нибудь каким-то образом понять как они относятся к религии, к церкви?

А.Ш.: Нет. Я был некрещеным.

” К церкви они относились нейтрально. Никогда, конечно, никакой ругани не было, но и никаких близких отношений с церковью не было.

А уже крестился я, когда мне было 70 лет. Мне сказали, что если ты хочешь, чтобы тебя отпевали, то надо быть крещеным. И я крестился.

Ю.С.: Понятно. А членами партии они были, родители?

А.Ш.: Нет, членами партии они не были.

Ю.С.: Ну, аналогичный вопрос, вам давали как-то понять, как они [к партии] относятся?

А.Ш.: Вы знаете, они относились абсолютно нейтрально, никаких восхвалений и никакой ругани не было. Относились они, в общем-то, относительно нормально, и вопросы, вот, положим, 1937 года, когда в нашем доме помимо того, что я рассказывал про Алексеева, еще несколько семей были подвергнуты аресту, не обсуждались.

Ю.С.: Понятно. Ну, а какие-то в семье конкретные обязанности у вас были?

А.Ш.: Ну, когда у нас была домработница до войны, никаких обязанностей у меня лично и у матери, у отца не было. Все было нормально.

Ю.С.: А чего они вам старались привить?

А.Ш.: Вы знаете, в общем-то, вспоминая, ничего они не пытались привить. Было, так сказать, нормальное

такое отношение. Школа давала. Вот. В школе я учился в войну, это до четвертого класса. А в Ташкенте я уже, когда поступил... Ведь год в Москве, целый год, 1941 год, школа не работала, как вы знаете. Я, значит, этот год пропустил. Когда мы попали в Ташкент, я уже учился в пятом классе.

Ю.С.: Какова была степень свободы, которой вы в детстве, в юности вообще располагали?

А.Ш.: В общем, никаких абсолютно притеснений, никакой направленности не было. Потом, когда уже...

Ю.С.: Какой-то контроль жесткий за чем-то?

А.Ш.: Жесткого никакого контроля не было. Все было, в общем, так сказать, в пределах, как говорят, нормы. И когда мать в 1948 году умерла, отношения с отцом у меня были, мягко говоря, ну, не очень, так сказать. То есть, таких добрых отношений не было, но ничего плохого тоже не было. Нейтральные, будем говорить так, отношения.

Ю.С.: А домашняя библиотека была? Газеты выписывались? Не помните?

А.Ш.: Газета выписывалась, да, конечно, по крайней мере, одна — «Правда», это я точно помню. Библиотека была, пожалуй, очень слабая. У отца была техническая энциклопедия полная, это, по-моему, что-то томов, наверное, 30 или 40, и, пожалуй, больше ничего... Библиотека у меня стала потом, когда я стал самостоятельным и сам стал создавать библиотеку. В следующий [период] своей жизни.

Школьные годы

Ю.С.: А, ну, вот, детство, первые годы школы — какие книжки, может быть, фильмы, оказали влияние, и какие-то герои, на кого-то хотелось быть похожим, кто в этом плане каким-то образцом может быть был?..

А.Ш.: Пожалуй, вы знаете, ничего такого запоминающегося, [что] так сказать, как-то повлияло на мою жизнь, в принципе, не было.

Ю.С.: А какую роль в вашей детской и юношеской жизни играли девочки, мальчики во дворе, какая-то компания была? Как-то вы в этом участвовали?

А.Ш.: Ну, пожалуй, компания была, в общем небольшая, потому что ведь с четвертого класса мы уехали уже в Ташкент, а потом уже, когда я поступил в школу... Да, я когда приехал, я перед этим работал в организации, в которой отец работал, в гараже по ремонту машин и так далее. Я приехал [из эвакуации] в шестой класс — я кончал [его] в школе рабочей молодежи. А потом уже, мама была еще жива, говорит: все... Меня, кстати, звали тогда Алик, вот, а вот Сашей я уже стал, когда пришел в школу. Сказал, что нет, я Саша. Дома этого не знали, по-прежнему звали меня Аликом.

Была хорошая школьная дружба, когда я уже учился в 146 школе. Кстати, эта школа еще просуществовала после нас два или три года, а потом ее перевели в школу для дефективных. Она до сих пор существует на Беговой. Я как-то проезжал...

Ю.С.: Ну, а вот как проводили летние месяцы, когда не было занятий в школе?

А.Ш.: В летние месяцы, до войны мы каждое лето уезжали в деревню куда-то, особенно у нас было на Оке имение такое, недалеко от Каширы. Вот, проводили в деревне... Это, конечно, было прекрасно.

Ю.С.: Снимали?

А.Ш.: Снимали, да. Там, конечно, и уже местные ребята. Это были... это было прекрасное время моей жизни, конечно, эти вот поездки на летние месяцы. Своей дачи у нас никогда не было.

Ю.С.: А папа в войну тоже в эвакуации был?

А.Ш.: Нет, папа здесь был. Папа все время в Москве был, он не уезжал.

Ю.С.: У него бронь была, его не взяли, да?

А.Ш.: Да, была бронь, его не взяли. Совершенно верно. И он на этом заводе Войкова трудился все время, до пенсии.

Ю.С.: Ну, соответственно, слава Богу, на войне среди родных никто не погиб, да?

А.Ш.: На войне среди моих близких никто не погиб. И вообще, у нас родня была достаточно сложная: со стороны отца практически дружбы не было никакой. Отец не очень дружил со своим братом, там какие-то были встречи... А со стороны матери, неплохая была у нее сестра, тетя моя Нина, и был брат, дядя [Петя?]. Это была хорошая, в общем-то, дружная [родня]. Мы встречались.

Ю.С.: Ну, слава Богу, никто не погиб и не репрессирован был...

А.Ш.: Нет, никто. Никто не погиб, никто не был репрессирован. И вот эти вот лихие годы прошли хорошо.

Ю.С.: Значит, во сколько лет, вы пошли в школу, вы говорите?

А.Ш.: Ну, как все тогда, в 8 лет.

Ю.С.: Тогда в 8 лет?

А.Ш.: Да, тогда в 8 лет было. [1941] год, значит, не было [обучения], а кончил школу в 1948 году.

Ю.С.: В 1948-м?

А.Ш.: Да. И в 1948 году я уже поступил в Нефтяной институт на геологоразведочный факультет.

Ю.С.: А скажите, у вас в школе было совместное обучение? Раздельное?

А.Ш.: У нас в школе до войны было совместное, а после войны уже было раздельное.

Ю.С.: Кончали уже раздельно?

А.Ш.: Да, кончали уже [раздельно]. В школе с пятого класса, в Ташкенте, уже было раздельное. И когда сюда я приехал, было раздельное. Только вот шестой класс, когда я в этой школе рабочей молодежи был, там совместное было. А уже седьмой класс и до конца — это было раздельное.

Ю.С.: Ну, тогда, раз мы перешли к школе: какие предметы в школе нравились, а какие нет?

А.Ш.: Ну, пожалуй, у меня неплохо шли естественные науки: физика, математика, химия, пожалуй. И хуже — русский язык.

” У меня даже мой товарищ вспоминает, что я часто очень плохо писал диктанты, получал двойки, и была очень интересная наша учительница, Нина Александровна, и часто очень, когда я пытался списывать, била меня книгами по голове. Но я ее все равно любил очень.

Ю.С.: А каких-то преподавателей вы помните?

А.Ш.: Да, конечно, прекрасно помню. Прекрасно помню, у нас был физик очень интересный. Очень интересный физик. Очень интересный был математик, с бородой. Он еще помимо нашей школы преподавал в торфяном институте. Эти люди были... хорошо, очень много давали...

Ю.С.: Физик. И кого вы еще назвали?

А.Ш.: Физика, потом математика, и потом, пожалуй, был вот русский язык. У нас был... Он, правда,

отдельные уроки только преподавал. Это директор нашей школы Иван Федорович Мотяттов. Когда он приходил к нам, такой солидный, интеллигент... «Иван Федорович Мотяттов сейчас вам будет рассказывать!» И действительно, он очень интересные вещи рассказывал.

Ю.С.: А что он делал?

А.Ш.: Вел он, выборочно, литературу. Там, положим, рассказывал Тургенева, Гоголя и так далее, вот такие вещи, отдельными фрагментами.

Ю.С.: А скажите, по тем предметам, которые как-то вас интересовали и хорошо шли, читали какую-то дополнительную литературу помимо учебников?

А.Ш.: Вы знаете, пожалуй, это было тогда не принято. Хотя у нас был один, Хованский, такой. Он немножко был чокнутый. Потом он, по-моему, кончил жизнь не очень хорошо, потому что он вообще не очень хорошо к Советской власти относился. Вот он, особенно в философии, конечно, очень много читал и очень много знал — то, что тогда не очень поощрялось. Так, пожалуй, больше дополнительного у нас ничего не было.

Я вам еще хочу сказать интересную вещь, пожалуй, для нашей школы. Школа находилась напротив бегов [ипподрома] и несколько учеников были дети наездников или конюхов. [В здании школы] были классы, когда мы учились, когда, положим, полкруга [бегового] было видно из окон нашей школы. И почти, вернее, не все, а многие, в общем, ходили на бега, поигрывали, в том числе и я поигрывал.

” И тогда была жизнь ведь очень такая интересная: за кусочек сахара, что мы получали, можно было выручить 30–40 рублей и пойти поиграть на бегах. Мы все играли на бегах.

Ю.С.: Послевоенная.

А.Ш.: Послевоенная, да, послевоенная. Нет, и немножко военная, чуть-чуть военная.

Азартные игры. Смерть Сталина

Ю.С.: В войну бега были?

А.Ш.: В войну бега были, конечно. В конце уже, в конце самом. Так что, вот бега сыграли большую роль в моей жизни. Но потом, когда я женился, моя Тамара сказала: «Все. Люби женщин. Но бега брось!»

Потом в конце института мы достали очень интересную книжечку — теорию игры в винт. Она увидела эту книгу, сожгла ее, пеплом посыпала мою голову и сказала опять — [что хочешь] ты делай, но в карты тоже прекращай играть. Я очень любил в преферанс, мы играли в преферанс до последней... Кстати, в конце, был как раз 1953 год и мы учились уже в институте на последнем курсе, делать было нечего, вся страна [когда умер Сталин] кто рыдала, кто смеялась, и мы два или три дня у меня на кухне играли в винт. И счастье наше, что у моего соседа [старовера] рыльце было в пуху, и он на нас не донес, потому что, если бы он донес, за эти вещи дали бы десятку, как минимум.

Ю.С.: Вы играли со своей школьной компанией?

А.Ш.: Со своей школьной.

Но он-то все время заходил, он видел это, что мы играем. Весь народ скорбит, а мы играем в карты...

Ю.С.: Я думал, он к вам присоединился как истинный старовер...

А.Ш.: Нет, нет, нет... Просто, вот нам повезло. Я просто хочу сказать, что в те годы было очень тяжело. Я помню такой случай: у моего товарища мать была заведующей кафедрой иностранных языков и в момент смерти Сталина у них умер один преподаватель. И она сказала на заседании кафедры так: «Давайте почтим вставанием его память».

Ю.С.: Естественно.

А.Ш.: Да, естественно. После этого [ее] моментально уволили и с большим трудом там через каких-то знакомых удалось... на нее не завели уголовное дело.

Ю.С.: То есть, это совпало просто с днем смерти Сталина?

А.Ш.: В этот период.

Ю.С.: Не день в день?

А.Ш.: Нет, как раз, его еще не похоронили. И этот умер. Как раз его же пятого числа, да, я не помню, объявили? Да, пятого числа объявили, там несколько дней было, когда похороны. Вот как раз, в этот промежуток она почтила память [коллеги преподавателя] вставанием. За это ее уволили. Вот такая жизнь была тяжелая. Еще хорошо все кончилось.

Увлечение книгами. Атмосфера в школе

Ю.С.: А вот скажите, поскольку [у вас] дома библиотеки-то не было большой...

А.Ш.: Не было.

Ю.С.: Во время учебы в школе много художественной литературы читали? В библиотеках брали что-то? Нет?

А.Ш.: Да, вы знаете, читал я, может быть, не очень много, но все-таки читал. Достаточно много читал.

Ю.С.: А где брали книги? С книгами ведь сложно было.

А.Ш.: Книги... У меня был товарищ, Вадим Черных. У него отец профессор был. У них прекрасная была библиотека и он мне разрешал. У них такая надпись была на стенке, около книжного шкафа: «Не лась взором — здесь книги не даются даром». Но мне давали они. В том числе я прочел прекрасную вещь: «В тупике», роман был такой, я забыл уже кто его [автор], то ли Андреев, кто-то, очень интересный. В общем, я достаточно [читал]. И потом, сразу же, когда я кончил институт, когда начал работать, я начал собирать книги. И вот сейчас они стоят еще, тоже никому не нужны уже.

Ю.С.: А какой была [атмосфера в школе]. Ну, вот состав класса, от этого и атмосфера зависит. Класс большой был?

А.Ш.: Ну, класс был нормальный. Я помню человек, наверно, двадцать — двадцать пять вот так, наверно, было. Класс хороший был, в общем, дружный был класс. Я говорю, многие ходили на бега, человек 10 нас ходило на бега. Такая дружба была.

Ю.С.: Многонациональный или как?

А.Ш.: Да нет, в основном все русские были. В основном все русские, да.

Ю.С.: А какие-то, сильные, способные ученики в классе были? Какие-то кружки, в которых вы участвовали?

А.Ш.: Да, кружков, пожалуй, таких особых ничего не было, но вот мой товарищ, с которым я до сих пор дружу, Анатолий Константинович Мигута, он геолог [защитил докторскую], он кончил с серебряной медалью и поступил в МГРИ. Я тоже в МГРИ пытался... Уже в середине этой сессии экзаменационной в МГРИ понял, что я не прохожу туда, мало баллов было очень. И я забрал у них документы и отнес их в нефтяной институт.

Ю.С.: Это мы до этого дойдем, еще не дошли.

А.Ш.: Ладно, ладно...

Ю.С.: Извините.

А.Ш.: Хорошо, хорошо.

Ю.С.: Значит, кончили мы на том, что у вас в классе все-таки медалисты были.

А.Ш.: Один медалист был. Мой товарищ хороший Толя Мигута, который жив-здоров еще до сих пор. Вот, и, пожалуй, единственный с серебряной медалью.

Ю.С.: Скажите, в пионеры, в комсомол вступали?

А.Ш.: Вступал.

Ю.С.: Все вступали.

А.Ш.: Все вступали. Тогда комсомол, это, в пионеры — вообще не разговор, там просто всех. В комсомол я вступил, когда я работал.

Ю.С.: Не в школе, после уже?

А.Ш.: Дело в том, что, я говорю, что когда я приехал из Ташкента, я работал немножко, вот примерно полтора года. Тогда я вступил в комсомол.

Ю.С.: А строго принимали, нет?

А.Ш.: Да нет, что вы... Никаких... Ради Бога, только подать заявление... Да. А потом, значит, уже стал и членом партии.

Ю.С.: Ну это уже позже?

А.Ш.: Когда уже в институте я... Да, это еще рано...

Ю.С.: Нет, это я запомнил... *(смеются)*. Хорошо, а вот комсомольская организация в школе, в старших классах, она была активной, вы принимали [в ее работе участие]?

А.Ш.: Нет. Никакой активности абсолютно не было. Была, так сказать, такая... обыкновенная инерция.

Ничего интересного про комсомольскую организацию я вспомнить не могу. Ничего интересного мы не делали. Но и плохого не делали.

Ю.С.: Уже хорошо. А скажите, может быть, у кого-то из учеников репрессированные в семье были? Это как-то [обсуждалось]? Какие-то неприятности в школе [у детей репрессированных] были?

А.Ш.: У нас не было этого.

Ю.С.: У вас не было.

А.Ш.: Я даже не знаю, были ли у нас, в нашем классе, родители репрессированы или какие-то близкие родственники репрессированы. Не знаю, таких не было, вроде бы.

Ю.С.: Просто не обсуждалось...

А.Ш.: Не обсуждалось это, в общем-то, никаких не было... Про репрессии я только знаю вот только довоенные, из-за того что мать была бухгалтером, то, что я рассказывал.

Ю.С.: А скажите, пожалуйста, ну вот, какие-то такие события крупные в стране в то время, когда вы учились, какие-нибудь перелеты из Москвы через Северный полюс в Америку или еще что-то. Какие-то были события, которые привлекали какой-то [ваш] интерес, внимание...

А.Ш.: Да, пожалуй, в жизни, в школьной жизни моей ничего такого интересного, выдающегося, чтобы, так сказать, как-то это врезалось, не было.

Ю.С.: Ну, вот, Москва же опять, музеи, театры. Вы начали позже ходить или в школе тоже? Или все-таки в школе были бега в основном?

А.Ш.: Нет, в школе немножко я уже начал ходить, да. В старших классах, в девятом — десятом я уже начал ходить. В музеи тоже немножко начал ходить. Также это было, но в основном это было немножко позже, когда уже я учился в институте и работал.

Ю.С.: Понятно. А вот, скажем, уровень достатка ваших одноклассников. Средний или все-таки были высокопоставленные и совсем [малообеспеченные]?

А.Ш.: Да нет, пожалуй, в общем, был средний уровень. Правда, был один, но он был хороший парень, Борисов такой. Отец у него был крупный... из партийных деятелей. И жил он — вот такой ажурный дом был напротив улицы Расковой, на той стороне Ленинградского шоссе. Он в этом доме жил. Пожалуй, один, да.

Ю.С.: Понятно.

А.Ш.: А так, в общем, был совершенно средний жизни уровень, который ничем особенно не выделялся. Но и никаких бедняков, нищих у нас не было в школе.

Ю.С.: А скажите, пожалуйста, вы упомянули одного вашего друга, который стал профессором тоже. А кто-то [еще] из вашего класса стал каким-то специалистом известным, или, может быть, по партийной линии кто-то пошел?

А.Ш.: Вы знаете, как-то жизнь, в общем, школьная жизнь... Значит вот у меня Толя [Мигута], раз — значит, он стал профессором, докторскую защитил, сейчас он в ВИМСе работает. Саша Субботин работал в министерстве средмаша, это сейчас [министерство] атомной энергии. Пожалуй, дальше пути я никого не знаю. Был у нас Вадим Черных, сын профессора, но так я, в общем, два-три года я знал, а потом как-то пути наши не встречались.

Ю.С.: А после школы классом не встречались, не собирались?

А.Ш.: Нет.

Ю.С.: То есть были отношения с несколькими людьми?

А.Ш.: Да, я вот вспоминаю сейчас, по существу, два человека было: Толя Мигута и Саша Субботин, с которыми я еще до сих пор... С Толей вообще — это мой друг. А с Сашей перезваниваюсь, значит, спрашиваю, как он жив-здоров, не ушел еще в тот мир — нет, говорит, не ушел, еще живу пока.

Поступление в вуз

Ю.С.: Вы кончили школу в такое интересное время, 1948 год...

А.Ш.: 1948 год, да.

Ю.С.: И дальше поступали в вуз...

А.Ш.: Да.

Ю.С.: То есть не было сомнения, что надо поступать, да?

А.Ш.: Не было, да, конечно.

Ю.С.: А как выбирали?

А.Ш.: Ну, как-то я сразу проникся к геологии. Первое, что я подал — в МГРИ, а потом, когда я увидел, что я не прохожу в МГРИ, я подался на геологический факультет Нефтяного института. Хотя я не прошел туда. Там тогда было очень сложное дело, хотя баллов набрал хорошо там, в общем, в Нефтяном институте. Но тогда были такие, в общем, клановые отношения, особенно с периферией, там нужно было обязательно того-то, того-то, того-то брать, потому что они занимали большие посты в производственных организациях. И поэтому меня приняли на механический факультет и я проучился вначале около месяца на механическом. Но дядя мой, муж моей тети, значит, неродной дядя, он был инспектор ВАКа, в общем, достаточно такая [значимая должность]... И в Нефтяном институте главный бухгалтер, что-то было [ему от моего дяди] нужно. И дядя Витя мой сказал: «Все, он тебя переведет на геологический факультет». И действительно, проблем никаких не было...

Ю.С.: В Нефтяной?

А.Ш.: Да. Но на геологический факультет. И перевели меня через месяц, я через месяц был уже на геологическом.

Ю.С.: Из Торфяного?

А.Ш.: Нет, я в Нефтяной подавал. Я в Нефтяной подавал. Я в Нефтяной подавал — в Торфяном не было геологоразведочного.

Ю.С.: Понятно.

А.Ш.: Я подавал на геологоразведочный, но не прошел, да.

Ю.С.: Ну, еще раз, просто, чтобы я разобрался: в [МГРИ] не прошли, подали в Нефтяной...

А.Ш.: На геологоразведочный факультет.

Ю.С.: И не попали на геолога, попали на [на механический факультет]...

А.Ш.: И потом перевели меня примерно через месяц-полтора... я перешел на геологоразведочный факультет.

Ю.С.: А вот все-таки, чем вас тогда геология, геологоразведочный [институт заинтересовали]? Ну, в стране это гремело или как-то вот просто природа там еще, или поездить? Романтика?

А.Ш.: Да нет, пожалуй, просто мне представлялось, что это, в общем, достаточно интересная специальность, и вот я уже немножко знал тогда геофизику, что вот геология с геофизикой может дать интересные результаты, что потом оказалось действительно так.

Ю.С.: Понятно. А учились на дневном?

А.Ш.: Да, на дневном, все время, да... У нас был еще первый сокращенный курс. Первый курс наш, 1948 года, был...

До этого учились пять лет и шесть месяцев на геологическом факультете. А с нашего сделали четыре года и десять месяцев.

Мы уже учились примерно одновременно [с курсом] 1947 года. 1947 год чуть раньше, а мы месяца на два, на три... И потом стало вот четыре года и десять месяцев, с нашего года.

Ю.С.: Группа большая была?

А.Ш.: У нас было четыре группы: две геологические и две геофизические. В группе было примерно человек по двадцать пять, примерно, вот так.

Ю.С.: И парни, и девушки?

А.Ш.: Да, конечно, конечно. Там никакого исключения не было, в институте.

Ю.С.: Приезжие были?

А.Ш.: Да. У нас приезжих в нашей группе, примерно, пожалуй, процентов семьдесят — восемьдесят было, москвичей не так много было. Потому что в основном попадали дети крупных работников или средних работников.

Ю.С.: Были это только выпускники школ или кто уже поработал, а кто после войны?

А.Ш.: У нас примерно было человек пять — шесть, которые служили в армии и были даже [кто] имели офицерское звание, которые прошли войну всю. Таких тоже было человека четыре — пять..

Ю.С.: Понятно. А какие-то были или в начале или в конце уже женатые и замужние студенты [в группе и на курсе] или как-то это уже потом было?

А.Ш.: Пожалуй, не было. Единственно, мой друг Игорь Шахновский как раз на последнем курсе женился на свое несчастье, вот. Потом, правда, семья счастливая была, нормальная. Но он женщин любил, правда, и потом женщин любил. Одно другому ему не мешало. На пятом курсе он женился на Раечке такой. Она была гимнастка, замужем была уже, у нее был ребенок, но вот такая любовь: она оставила сына мужу и создала с Игорем семью, и так семья была достаточно нормальная, да. Двое детей у них было потом.

Ю.С.: Вот скажите, вот 1948 год — такое время особое: евреев брали в ваш институт, евреи были?

А.Ш.: Евреи были, евреи были. У нас в нефтяном институте не было этого [антисемитизма]. Это все-таки, понимаете, такой сугубо производственный институт. Это было гонение у физиков, в биологии и так далее. А в нефтяном, по-моему, этого не было.

Ю.С.: Не было, да?

А.Ш.: Я вообще ничего не слышал. У нас евреи [были], в том числе и я, хотя я русский по матери, потому что мать у меня русская. Отец — еврей. Никаких, так сказать, претензий не было.

Ю.С.: Ну, а какие были условия жизни студентов, выплачивались стипендии?

А.Ш.: Да, в общем, жизнь была хорошая. Как мы потом вспоминали, что самая лучшая жизнь была как раз студентами, потому что платили неплохую стипендию, значит, вначале около трехсот рублей, потом было уже, по-моему, за четыреста с чем-то на конечной...

Так что, в принципе, в общем, у нас была жизнь хорошая очень. Мы ходили в шашлычные и выпивали хорошо.

А потом еще второе что, потом начались практики. На практике мы зарабатывали неплохо.

Ю.С.: Ну, а вот те, кто жил в общежитии, могли на эти деньги прожить или все-таки нужна была из дома поддержка?

А.Ш.: Вы знаете, в основном проживали на эту стипендию. Может быть, какие-то маленькие подпитки и были, но, в общем-то, вполне достаточно было. У нас такой был Гриша Левин — он был в армии, лейтенантом кончил, очень человек обязательный. У него всегда деньги были, и когда у голытьбы, которая все пропивала и проедала, не хватало, они брали деньги у Гриши, он давал. Так что никто не голодал.

Ю.С.: То есть такая неофициальная касса взаимопомощи.

А.Ш.: Да, неофициальная касса взаимопомощи в нашей группе в виде Гриши Левина была. Потом он уехал в Западную Украину, там женился. Жена была очень у него высокооплачиваемым парикмахером, а потом все-таки уехал в Израиль. Не знаю его судьбу дальнейшую. Наверное, уже ушел в мир иной, потому что он был старше меня примерно лет на семь — восемь.

Ю.С.: А какая-то официальная касса взаимопомощи была в институте, пользовались?

А.Ш.: Черт его знает, по-моему, ничего не было. Никто не пользовался, это точно. Может, что-то было формально, но я этого не знаю.

Ю.С.: Ну, вот вам самому во время учебы каких-то денег на книжки, на учебники, куда-то пойти [хватало]?..

А.Ш.: Нет, не было проблем.

Ю.С.: Подрабатывали?

А.Ш.: Все, [на] все хватало...

Ю.С.: За счет практик, да?

А.Ш.: За счет практик, и то, я говорю, стипендия неплохая, дома все-таки кормили. Так что не так все плохо было, даже хорошо.

Ю.С.: А где, в основном, занимались, помимо лекций: в вузовской библиотеке, в каком-то музее, дома? Где было принято? Где можно было вообще заниматься?

А.Ш.: Ну, в основном, конечно, дома. В основном — дома. Я москвич, и все москвичи — они все дома. А в общежитии, конечно, было хуже, потому что там гвалты, да, но уже тоже приспособлялись. Кстати, один из моих хороших товарищей (не так давно в мир иной ушел) — Леша Золотов, он, в общем-то, крупным стал и доктором наук, профессором. Потом он в последние годы стал в Министерстве геологии начальником нефтяного отдела, да. И учился хорошо очень! Да. Хотя он в общежитии был.

Ю.С.: Тогда перейдем к учебе. Какие курсы, дисциплины нравились, а какие — нет? Были [такие]?

А.Ш.: Ну-у, конечно, что не нравилось и относились к этому очень формально — это марксизм-ленинизм, который заставляли все время... Вначале два года было — марксизм-ленинизм изучали, потом философия была. Вот к этому делу относились очень, так сказать, посредственно. А так, конечно, было много интересного. У нас был прекрасный лектор, член-корреспондент... Ох, выскочило, по петрографии...

Ю.С.: Пустовалов.

А.Ш.: Пустовалов, конечно. Пустовалов, да! Он изумительный лектор был очень, интересные вещи рассказывал про жизнь науки, про открытия и прочее. А вообще, состав [преподавателей] у нас был очень сильный в геологическом плане.

Ю.С.: А вот еще какие-то профессора так запомнились?

А.Ш.: Запомнилось, конечно. У меня был очень... Меня он, кстати, спас, Николай Иванович Буялов. Он профессор был, потом он в МГРИ и в МНИ (*Московский нефтяной институт, в настоящее время Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина — прим. ред.*) работал, когда при окончании мне дали [плохую] характеристику, сукины дети, от того, что я болтал очень много про бега... Хотя бега — вообще-то это ничего плохого не было, это государственная организация. Мне написали, что, значит... В общем, была отрицательная характеристика. И я хотел защищать диплом по кафедре геологии, где был Чарыгин завкафедрой, но как-то они уже начали, что вот... такая характеристика. Николай Иванович побежал к себе, говорит: «Э, потом выбросишь все это». Действительно, я потом все выбросил. Так что он ко мне отнесся хорошо.

Потом был очень хороший, конечно, наш лектор, замечательный — Михаил Павлович Казаков. Он общую геологию... нет, геологию СССР, историческую геологию, геотектонику читал. Ну, пожалуй... Вообще геологическая часть у нас была интересная очень.

Ю.С.: Скажите, а какой-то научной литературой помимо учебной приходилось пользоваться, пользовались?

А.Ш.: Пожалуй, начал научную я уже тогда, когда писал диплом по Мангышлаку. Тогда немножко начал читать... Хорошо знал и геологию Мангышлака Баярунаса, Андрусова и так далее, кто там работал. А так, пожалуй, в общем, до пятого курса, пожалуй, особо у нас никто... помимо учебников никто не пользовался этим делом. В том числе и я начал уже свою необразованность исправлять уже в годы, когда я кончил институт и, работая в Аэрогеологии, я читал, читал, читал и читал.

Ю.С.: А на иностранных языках приходилось что-то [в институте читать]?

А.Ш.: Ну, я, в общем, плохо, конечно...

” У нас вообще преподавание иностранных языков было плохое.

Во-первых, в школе я учил немецкий, в институте — стал сразу английский. Языки мне давались очень плохо. И я в основном со словарем, в основном те [статьи], которые нужны были — разрезы, карты и так далее. Так что иностранную литературу я непереводающую плохо знал, а переводную пытался усечь.

Ю.С.: А библиотека, лабораторная база — сильная была?

А.Ш.: В институте?

Ю.С.: Да, да, в институте.

А.Ш.: Слабая. Слабая очень была [библиотека]. Учебники мы все доставали, а так что-то помимо учебников, пожалуй, библиотекой мы не пользовались.

Ю.С.: А лабораторная база?

А.Ш.: Ну, лабораторная была неплохая база. Во-первых, минералогия. Кстати, у нас из минералогической нашей базы вышли очень сильные бизнесмены, кто занимается до сих пор камнем.

Ю.С.: Да?

А.Ш.: Да. Таня Скруп такая, очень крупный [предприниматель]. Сейчас, наверное, миллионное состояние, десятки миллионов. Да что десятки миллионов — миллиарды, наверное имеет, потому что эта вещь, камень, он очень высоко ценится, и сейчас до сих пор высоко ценится.

Ю.С.: Это с вашего курса?

А.Ш.: Она была на один год старше, 1947 [года поступления].

Ю.С.: Понятно.

А.Ш.: У нас, с нашего курса не было. А вот у нее, и потом ее муж, Володя Широков такой, он тоже немножко, но главным образом она. А у нас, кстати, здесь, в институте сейчас потрясающий коммерсант, который занимается камнем, и очень крупный бизнесмен.

Ю.С.: Да?

А.Ш.: Да.

Студенческие практики. Институтские преподаватели

Ю.С.: Дай Бог. А какие полевые практики были?

А.Ш.: Были практики очень интересные. Первая практика — это была по Военно-Грузинской дороге, очень интересная. Вел ее Князев такой, очень хороший [преподаватель].

Ю.С.: Пешая экскурсия?

А.Ш.: А? Пешая экскурсия. Мы пересекали хребет. Полностью. Значит вот, от Владикавказа...

Ю.С.: Пешком?

А.Ш.: Пешком, да. От Владикавказа до Тбилиси пересекали. Ну, там немножко подвозили, местами. А хребет в основном пересекали [пешком]. Это первая.

Вторая была очень интересная практика в Крыму, тогда было картирование. И следующими уже были производственные практики: первый год у меня была по Прикаспийской впадине, а преддипломная была на Мангышлаке. Я уже был там геологом.

Ю.С.: Понятно.

А.Ш.: Так что практики хорошие были.

Ю.С.: Ну, а начальство, руководители практик стремились вас серьезно чему-то так на практиках научить?

А.Ш.: Да, хорошие были у нас руководители. У нас был очень интересный руководитель Долицкий, как раз нашу практику он вел, хотя сам он геофизик.

Ю.С.: Это где была?

А.Ш.: В Крыму.

Ю.С.: В Крыму?

А.Ш.: В Крыму, да. Он был как раз начальником практики. ...

Ю.С.: А у вас там... Ну, я просто знаю, что у МГРИ там был в палатках лагерь...

А.Ш.: И у нас тоже было, да.

Ю.С.: Понятно.

А.Ш.: Все то же, самое. Мы недалеко от МГРИ [стояли]. Даже я хочу сказать, что в последний маршрут наш, когда кончилась практика, нас всех вывезли отдохнуть на море и мы решили обратно до Бахчисарая (а поезд был в Бахчисарае) пройти пешком, а деньги пропить все — там хорошее очень вино было...

Пили, пили, и оказалось, что денег нет только у меня. И я один пошел пешком. И прошел хорошо очень.

К своему товарищу, вот, Мигуте, зашел к ним в лагерь [МГРИ], а потом, в тот же день они тоже уезжали в Бахчисарай, и своих я нагнал, и в свой поезд сел и нормально доехал до Москвы.

Ю.С.: Вот скажите, несколько профессоров вы уже упомянули, Пустовалова прежде всего. Какие-то еще профессора, кроме Пустовалова, на вас какое-то влияние своей личностью, своим отношением к науке как-то оказали?

А.Ш.: Очень хорошее впечатление и, пожалуй, хорошее влияние — это Лапинская Татьяна Александровна, она была потом даже завкафедрой петрографии у нас. Пожалуй, Михаил Павлович Казаков, я уже говорил о нем.

Ю.С.: А на [кафедре] петрографии [у вас в институте] изверженные породы [изучали]?

А.Ш.: У них была тема, они занимались фундаментом Восточно-Европейской платформы. Так что, изверженными породами она занималась. Но в основном, конечно, в [учебном] курсе-то были в основном осадочные, да. Изверженных было очень немного.

Потом был очень интересный, я уже забыл его фамилию, он структурную геологию нам читал и практические вел, доцент был, тоже был очень интересный. Вот Николай Иванович Буялов, я говорил, да, тоже интересный человек.

Ю.С.: Ну, а какая атмосфера в группе, какие-то студенты сильные, яркие [были]? В разных отношениях могут быть яркие.

А.Ш.: Выдающихся, пожалуй, не было. Но в общем, хорошая, крепкая, средняя такая была группа.

Ю.С.: Так учебой интересовались всерьез в общем?

А.Ш.: Ну, в общем, таких, будем говорить, выдающихся устремлений не было, но в целом...

Ю.С.: Но не отчисляли никого, все кончили?

А.Ш.: Нет! Нет. Даже у нас была такая Маша Шипилова, которая, в общем, почти ничего не знала, и то все равно ее дотянула наша группа и она кончила тоже.

Ю.С.: А вот среди...

А.Ш.: Так что все, практически все.

Ю.С.: Понятно.

А.Ш.: Да, пожалуй, только один парень был на первом курсе: он был комсоргом, а потом, значит, как-то сник и его вышибли. Пожалуй, один только, но это на первом курсе было. А так все дошли нормально.

Ю.С.: А вот опять же, это такие годы, комсомольская организация обязательно [была]. Вообще это как-то сильно проявлялось, как-то участвовали?

А.Ш.: Вы знаете, пожалуй, не очень, [ничего] такого особенного. Ну, вот у нас были партийцы же ведь, которые уже были членами партии, потому что они из армии пришли. Вот. Широков такой был. Потом, Гординский: он стал доктором наук, умер очень давно, правда. Широков, по-моему, не сделал карьеру, был в Министерстве нефтяной промышленности, он был референтом у Левченко, вот. И так, пожалуй, в общем... Хотя, в принципе, вот из нашей группы, наверное, докторами наук, наверное, стало, по крайней мере, я знаю человек десять — двенадцать, примерно. Это я знаю.

Ю.С.: Это очень много.

А.Ш.: Да. Хорошая очень, да. Вот мой друг Шахновский, мой друг Левин закончил, как я говорил, Золотов стал очень крупным... Ну, а кандидаты наук — это очень многие стали.

Ю.С.: Это какая-то у вас выдающаяся группа. Выдающаяся.

А.Ш.: Да, да, да.

Ю.С.: А скажите, то что члены партии были и среди преподавателей и среди студентов — это как-то проявлялось вообще в жизни, что называется, в институте для вас вот?

А.Ш.: В принципе особо ни в чем не проявлялось, но по отношению ко мне, так, говоря мягко, они похамски [поступили], что написали мне вдруг ни с того ни с сего отрицательную характеристику. Все были удивлены, говорят: «Что тебе отрицательную дали?»

Ю.С.: Но там же «треугольник» [партком, профком, ректорат] должен подписывать?

А.Ш.: Ну, правильно. Но, значит, Шумаков был этот самый... Гординский был старостой у нас, вот. Все, почему-то решили, что... А может быть, разрядка была, что сколько-то нужно, или хотя бы одну дать плохую — дали мне.

Ю.С.: Да, все-таки...

А.Ш.: Но на моей жизни это не сказалось ни на йоту.

Ю.С.: Понятно... Так. Тот же самый вопрос, что относительно школы. Как какие-то события в стране, я не знаю там, в науке, которые происходили, когда вы учились, как-то сказались, чего-то помните? О каких-то умонастроениях?

А.Ш.: Ну, пожалуй, интересный такой эпизод — это комсомольское собрание на втором... нет, в конце первого курса было. Один из студентов старших курсов — Корнев его фамилия, вот, он с каких-то позиций с девушкой, с которой он жил, что он не сделал обязательств, она написала на него донос. И партийная организация разбирала, а потом его вывели на общее собрание. И общее собрание клеймило его позором.

” Я даже помню, Михаил Михайлович Чарыгин вдруг ни с того ни с сего выступил. «Это же, — говорит, — какой человек! Он же асбестовые валуны булыжниками называл! Гнать его нужно!» Хотя разговор был не про булыжники и не про валуны, а про эту девку.

Его вышибли. И он не кончил. Самое интересное, что он кончил потом, быстро очень, заочно. И когда распределяли меня, он был заместителем председателя комиссии по распределению, Корнев. Вот как бывает в жизни! *(Смеется)* Так что жизнь его тоже не наказала.

Ю.С.: Понятно. Скажите, а вот...

А.Ш.: Пожалуй, это наиболее... воспоминание об учебе в институте. А потом, вот, как я говорил, это, пожалуй, вот этот вот — смерть Сталина. Пожалуй, так.

Ю.С.: Это уже после, вы уже кончили?

А.Ш.: В 1953 году. Все правильно. Я же в 1953 году кончил весной, а Сталин умер в 1953-м, в марте были похороны.

Ю.С.: То есть, при вас, ну, в смысле, [когда] вы в институте учились.

А.Ш.: Да, да, да... Еще были в институте мы. Да.

Ю.С.: Что-то помните: как это все в институте было?

А.Ш.: Да в институте никак не было: всех разогнали, не учились примерно неделю или дней десять, никакой учебы не было, никаких мероприятий специальных слава Богу не было, никто на похоронах не пострадал.. Институт к этому нейтрально отнесся.

«Дело геологов». Диплом

Ю.С.: А, прошу прощения, а 1949 год как-то отразился на институте, <...> эти компании против космополитизма?

А.Ш.: Пожалуй, пожалуй, никак не отразилось. <...> «Дело геологов» было! <...>

Ю.С.: Когда?

А.Ш.: Что, про «дело геологов» вы разве не знаете? Знаете же.

Ю.С.: Насчет геологов?

А.Ш.: А? Сколько там человек: Крейтер...

Ю.С.: Крейтер и Барышев [профессора МГРИ]...

А.Ш.: Да, Барышев. Директор Института тогдашний (*директор Объединенного института геологических наук АН СССР академик Григорьев Иосиф Федорович репрессированный по «делу геологов» — прим. ред.*) Пострадало много очень. Но вы знаете <...> [Григорьев Иосиф Федорович] был директором нашего института. Там объединенный был институт. Так что много было... И, в общем-то, на жизнь института нашего, нефтяного, это никак не повлияло. Пожалуй, никаких специальных мероприятий, что там мы клеймили — не было ничего. <...>

Ю.С.: Ну, хорошо.

А.Ш.: О геологах ничего не было даже.

Ю.С.: Скажите, а какие-то события в науке. Ну, вот это знаменитое громадное [Всесоюзное литологическое] совещание по осадочным породам...

А.Ш.: Вот об этом нам рассказывал Пустовалов...

Ю.С.: Пустовалов и Страхов [там были главные оппоненты].

А.Ш.: Да, да...

Ю.С.: А как-то [в институте студенты этим] интересовались?

А.Ш.: Это только Пустовалов нам рассказывал на лекции, он говорил, что идет вот такая вещь между Страховым и Пустоваловым. Но это, говорит, все семечки! Вот, говорит, у тектонистов — это да, говорит! Там раздраз большой, значительно больше, чем у нас. Но никаких специальных мероприятий каких-то — кого поддерживать, кого не поддерживать — абсолютно ничего не было. Единственно, что мы знали — это со слов Леонида Васильевича [Пустовалова] вот об этой дискуссии.

Ю.С.: А вот в другие институты на какие-нибудь лекции знаменитостей [ходили]?

А.Ш.: Нет, у нас не было этого.

Ю.С.: Не было?

А.Ш.: Никаких. Ни к кому не ходили, никого нам не рекомендовали.

Ю.С.: А к вам кто-нибудь приходил, приезжали какие-нибудь «звезды»?

А.Ш.: Нет, нет, никаких «звезд» к нам, никого не было. У нас своих звезд много было. *(Смеется)* Поэтому никого не приглашали.

Ю.С.: А чему был посвящен ваш диплом и как его тема определилась?

А.Ш.: Ну, тема определилась очень просто: я перед этим был на Мангышлаке в этой экспедиции, 10-й экспедиции ВАГТ *(Всесоюзный Аэрогеологический Трест — прим. ред.)* У нас был главный геолог Георгий Михайлович Васильев. Уже он кончил институт и был аспирантом. И был, значит, он главным геологом экспедиции этой. Ну, постольку-поскольку я уже работал на Мангышлаке, естественно, я по Мангышлаку защищал...

Ю.С.: То есть вы там на практике как геолог [уже] работали?

А.Ш.: Как геолог уже работал. И это у меня явилось моим дипломом. Этот диплом я защитил...

Ю.С.: Геологическое строение [района]?

А.Ш.: Да, геологическое строение горного Мангышлака — что-то вот так называлось. Защитил. А научным руководителем был Николай Иванович Буялов.

Ю.С.: А как защита прошла?

А.Ш.: Нормально. Ни сучка, ни задоринки. Спешили: давай, давай быстрей.

Ю.С.: В каком году вы кончили, вы сказали?

А.Ш.: В 1953-м. Это, значит, был примерно июнь месяц, примерно вот так мы кончили.

Ю.С.: Ну, а вот скажите, как вы оценивали тогда и с нынешней точки зрения программу вашей подготовки, уровень подготовленности вообще...

А.Ш.: Вы знаете, я думаю, что сейчас — я ведь не могу сказать, я же все-таки не... Ведь я сейчас все-таки далек от учебных программ.

Ю.С.: Нет, в смысле, вот ту свою программу: вы сами смотрите уже задним числом на то, чему вас учили, уровень подготовки...

А.Ш.: Я считаю, что уровень подготовки у нас был очень хороший.

Ю.С.: То есть, вы когда кончили, тоже были довольны в общем?

А.Ш.: Я был очень доволен. Да.

” Я прошел хорошую геологическую практику, пять лет в ВАГТе, на геологической съемке, в прекрасных, хорошо обустроенных областях Мангышлака, Устюрта, Прикаспийской впадины. Уже в 1958 году я был приглашен в ГИН.

Ю.С.: А в какой степени тогда, когда кончали, чувствовали себя подготовленным к работе.

А.Ш.: Я считал, что полностью готов. Во всяком случае, я был, так вспоминаю, меня очень хорошо котировали. И если бы я не ушел, я был бы, наверное, главным геологом экспедиции.

Ю.С.: Мангышлакской?

А.Ш.: Нет, Прикаспийской.

Ю.С.: А, Прикаспийской.

А.Ш.: В целом это была Прикаспийская, десятая экспедиция ВАГТа.

Ю.С.: Понятно. А вот просто для расшифровки: вы назвали, что это была экспедиция ВАГТ.

А.Ш.: ВАГТ — это Всесоюзный Аэрогеологический Трест.

Ю.С.: Так он до сих пор все-таки как-то существует?

А.Ш.: Да, он существует уже в виде единой организации без [прежних экспедиций]. А тогда были десятки экспедиций, очень больших, с большими деньгами, с транспортом, с самолетами...

Ю.С.: Ну, последний вопрос на сегодня, потому что у нас как раз половина встречи...

А.Ш.: Да, хорошо.

Ю.С.: Вы уже говорили, что с кем-то из группы сохранились все-таки какие-то отношения. А вот с преподавателями, по научным вопросам — с кем-то сохранились отношения? Или уже нет?

А.Ш.: Во-первых, сейчас уже, как вы понимаете, я еще жив, а преподаватели все ушли в мир иной.

Ю.С.: Нет, не сейчас, а после института.

А.Ш.: Пожалуй, наибольшая связь у меня была с кафедрой геологии: с Михаилом Павловичем Казаковым, Юрием Михайловичем Васильевым — он уже был на кафедре этой. И даже работая уже в экспедиции, я был на полставки зачислен в Нефтяной институт вот в эту тему. Но дальше как-то дело не пошло, они находились в противоречии с тем, что я знал по тем объектам, по которым они работали — Южно-Эмбенское поднятие, соляные купола и так далее. И я в общем ушел. И, пожалуй, больше с преподавателями у меня такой связи не было.

Ю.С.: Забыл спросить, для вашей области потом это очень важно было, по геофизике — все-таки у вас там [во время учебы] должна была быть какая-то подготовка?

А.Ш.: Ну, геофизика была неплохая, относительно. Я же все-таки был на геологическом, на геологии у нас [геофизику] существенно меньше читали, чем в геофизических группах. Но все-таки, достаточно, чтобы уметь интерпретировать сейсмические разрезы — это главное, что такое поля, магнитные и так далее. Это все, в общем, достаточно неплохо у нас в институте преподавали.

Ю.С.: Понятно.

А.Ш.: Выпустили, в общем, мне кажется, нормальными, средней руки специалистами.

Ю.С.: Хорошо. Тогда на сегодня — большое спасибо, и еще одна встреча тогда нам нужна.

А.Ш.: Да, давайте. Когда вам удобно, говорите — я-то все время дома.